

Пузыри и замки

Актриса играет в режиссера, режиссер играет Санчо

Оксана Мысина приехала в Москву из Донбасса, училась в Гнесинском училище, закончила его по классу альты и получила направление в Омский симфонический оркестр. Все это время она работала в студии у Спесивцева: заведовала канатным цехом, вместе с другими студийцами носила кирпичи — и играла главную роль в рок-опере. (За это ее чуть было не исключили из Гнесинки.) В Щепкинское училище Мысина пришла с альтом под мышкой: на экзамене она заиграла и была принята на курс Царева. К 2001 году Оксана Мысина освоила гитару, арфу и трубу — но это совершенно не важно.

Искрестия. — 2001. — 22 сент. — с. 8

Алексей ФИЛИППОВ

Мысина стала одной из лучших сегодняшних актрис: Кама Гинкас научил ее внутренней точности, Львов-Анохин — умению передавать психологические полутона и чувству стиля. А органика и обаяние у нее от Бога — высокая, длиннорукая, худая, с большими, шальными (и умными) глазами и лицом, способным выразить что угодно. На ее роли надо ходить, но спектакль, который она поставила, доставит удовольствие не каждому.

Центр Высоцкого, ставший гримборной полуподвал, «Театральное братство Оксаны Мысиной» занимается своими делами. Актриса Наталья Позднякова перешивает принесенное с помойки пальто в сценический костюм, в углу примостилась 13-летняя художница Грета Денисова, рядом — они заметно ниже Греты — супруги Санниковы, бывшие артисты музыкально-эксцентрического ансамбля. Оксана

Мысина сидит в центре и рассказывает о «Кихоте и Санчо».

— В коммерческих спектаклях актеры играют громко, внятно, целенаправленно на зрительские реакции. Я хочу вернуть их к чистоте, простоте и естественности. Вне игры в театр. И если это окажется антитеатром — тем лучше...

— Все, что появится в «Кихоте», мы сделали сами. Сами занимались костюмами, сами нарыли реквизит — что-то принесли из дома, что-то нашли на помойке. Какие-то деньги я заработала в кино — и все они пошли в спектакль...

— Мне посчастливилось работать с разными режиссерами, но ни в одну из московских трупп я идти не собираюсь. Не хочу ни от кого зависеть — я все еще ищу свой дом. И надеюсь, что с моими дорогими людьми, с теми, кто создавал спектакль, мы его построим — хотя у нас нет никакой идиллии, а в работе бывают жесткие моменты. (Наталья Позднякова сосредоточен-

но подбивает полу, Грета Денисова краснеет.)

Все началось с того, что Мысина прочла пьесу Виктора Коркия и влюбилась в текст. И тогда она собрала тех, с кем работала, кого знала и любила, и выпустила спектакль о «легком дыхании безумца, пускающего мыльные пузыри и возводящего в мечтах воздушные замки». (Так Мысина написала в программке.) Работа шла долго и мучительно, репетировавший Санчо актер, испугавшись, сбежал на киносъемки, и она стала играть Санчо сама. Спектакль вышел, но «легкое дыхание безумца» рядовому зрителю, человеку стороннему, непричастному к «Театральному братству», непонятно.

У театральной пьесы должен быть сюжет, а в пьесе Коркия он не просматривается. Дон Кихот (его играет Дмитрий Писаренко) и Санчо ведут бесконечный диалог, и авторская мысль не может выкарабкаться из потока не лучшим образом срифмованных метафор. Оксана Мысина органична и трогательно, Дмитрий Писаренко импозантен, кругленькая, простоватая, немолодая Наталья Позднякова забавна в роли Альдонсы. Ободранная сцена Центра Высоцкого (доски, потемневший кирпич, грубое железо), нищенские костюмы, хорошие артисты, странный текст... Понятно, зачем эта история появилась на свет: автор рассказал о том,

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

Слева, между прочим, Санчо Панса

• Прямая речь

Грета ДЕНИСОВА (1988 года рождения), участник отечественных и международных выставок, художник спектакля:

— Мой папа драматург. Однажды Оксана пришла к нам в гости, увидела мои рисунки и в порыве вдохновения решила пригласить меня

в спектакль, а потом я прочитала пьесу, и у меня возникли идеи.

— И что ты делаешь сейчас?

— Хожу на репетиции, создаю новые работы.

— Что же ты создала перед премьерой?

— Лошадь.

что было у него на душе, теперь свои души пытаются раскрыть создатели спектакля. Но театр не терпит абстрактной живописи, он жесток и ясен, спектакль не может доставлять удовольствие лишь тем, кто выходит на сцену. Они посылают сообщение зрителям, зал должен его прочесть — а «Кихот и Санчо» остается вещью

в себе. Понять, о чем рассказывает спектакль, невозможно, получить наслаждение от свободной игры образов нельзя — для этого трехчасовая постановка чересчур тяжеловесна.

Театральное братство — великое искушение, притягателен и новый театральный язык: кто не знает о сценической рутине? Но

дело в том, что без нее (а также без внятного сюжета, прописанных характеров и ясной режиссерской концепции) театра нет, а антитеатр публике не интересен. «Кихот и Санчо» подтвердили это еще раз, хотя то, что собиравлось сделать «Братство Оксаны Мысиной», можно только приветствовать.